

ФЕДОР АБРАМОВ

100 лет

Издание подготовлено при непосредственном участии

Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой

(23 сентября 1920 – 2 октября 2017)

Г. Г. Мартынов

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ФЕДОРА АБРАМОВА

1920–1983

Книга вторая
1959–1965

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "МІРЬ"

Санкт-Петербург
2017

ББК 83.3(2)6,2ю14
УДК 821.161.1/707:929А
М29

Научный редактор А. Г. Тимофеев

ISBN 978-5-98846-116-6 (общ.)
ISBN 978-5-98846-125-8 (книга II)

- © Г. Г. Мартынов, 2017
- © Ф. А. Абрамов и наследники, годы публикаций, 2017
- © Г. Г. Мартынов, А. Г. Тимофеев, [Летопись] 1963 [год], 2017
- © А. Г. Тимофеев, предисловие научного редактора, 2017
- © Г. Г. Мартынов, А. Г. Тимофеев, примечания, 2017
- © Л. А. Аринштейн, А. Г. Тимофеев, интервью о Федоре Абрамове, 2017
- © П. Н. Базанов, инскрипты Федора Абрамова из личного собрания, публикация, 2017
- © С. В. Столярова, перевод с французского и эстонского языков, 2017
- © А. Г. Тимофеев, перевод с английского языка, 2017
- © М. С. Хмелевский, перевод со словацкого и чешского языков, 2017
- © ООО «Издательский дом „Мирь“», оформление, 2017

В ПОИСКАХ ЧИСТОЙ РОССИИ

Предисловие научного редактора

Вторая книга «Летописи жизни и творчества Федора Абрамова» Г. Г. Мартынова, охватывающая период 1959–1965 гг., включает в себе немало открытий. Некоторые из них достоверно являются историко-литературными сенсациями, — и вот какого рода.

Хронологически первая в их ряду сокрыта в Приложении — самом конце второй книги Летописи.

После завершения редакционной подготовки ее первой книги научному редактору издания удалось побеседовать о Федоре Абрамове с человеком, который познакомился с будущим писателем еще в первые послевоенные годы, на университетской скамье. Это профессор Леонид Матвеевич Аринштейн, специалист по русской литературе первой половины XIX века и русско-английским литературным связям той поры.

Его память сохранила не только яркие эпизоды студенческой жизни с участием молодого Абрамова, но и уверенность в том, что личность последнего даже в те непростые времена, насыщенные ядовитыми парами нового сталинского — послевоенного — закрепощения народа, теперь уже народа-победителя, была с «двойным дном». Явно вырываясь из контекста существующей мемуарной и исследовательской литературы о писателе, профессор припоминает «двойственность» Абрамова-студента и в то же время Абрамова, как и сам Аринштейн, партийца: «...она заключалась в том, что он играл определенную роль, понимая, что это освобождает его от необходимости объясняться с тысячей разных людей, от всяких неприятностей, которые могли произойти. Просто он взял себе за правило — я знаю, как надо, чтобы считаться образцовым советским человеком, я эту роль легко могу играть. А под всем этим был совсем другой человек, свободный от того, что он успел отбросить...»¹.

В студенческие, аспирантские и первые преподавательские годы Федор Абрамов, о котором никто (скорее всего, даже он сам, кроме, пожалуй, Людмилы Крутиковой и Федора Мельникова) и мысли не допускал представить его в образе талантливого писателя, прилагал определенные усилия для развития своей пар-

¹ Наст. изд. С. 625.

тийной карьеры², однако «на самых главных погромных собраниях», по словам профессора Аринштейна, «не выступал»³, а Вениамина Шейнкера, тоже, кстати, будущего профессора, предостерег от вербовщиков из органов в резкой и категоричной форме: «Ты с этими гадами не путайся»⁴.

Существенная, подлинная наследственно-крестьянская закрытость личности Федора Абрамова, советское воспитание и взросление, служба в контрразведке «Смерш» в годы войны и добровольная демобилизация из органов во имя завершения прерванного обучения в Ленинградском университете — все это делает последнее сообщение свидетельством исключительной важности.

Именно в этой крайне отрицательной аттестации сотрудников советской тайной полиции как единой и совокупной группы, без деления на разведчиков, контрразведчиков и работников «невидимого фронта» — тех, кто принимал донесения-рапортчики от гражданских стукачей, — просматривается зерно высшей истины, зароненное в душу молодого, пока что малознакомого с путями творчества человека, будущего автора тетралогии «Братья и сестры», которому было суждено в продолжение почти всей своей жизни вынашивать еще более значительный замысел — «Чистую книгу», так и оставшуюся незавершенной.

Представить широчайшую панораму жизни страны начиная от предшествующих смуте лет, через революцию и Гражданскую войну, вплоть до коллективизации и репрессий 1937 г., а возможно, и до начала второй в прошедшем столетии войны с Германией, Федор Абрамов предполагал на родном для него северорусском, пинежском материале.

Окончательное название — «Чистая книга», долгое время писателю не дававшееся, — пришло к нему только в 1978 г. До этого задуманное произведение называлась условно: «Гражданская война», «Война на Пинеге», «Обезглавленная Россия», «Русское поле», «Берестяная книга», «Белая книга»...

«Легенда: в русском народе живет предание о Чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни, — записал Федор Абрамов в своем дневнике. — Чистая книга писана в кромешной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что она написана святым человеком.

Человек, сподобившийся прочитать эту книгу, прозревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим. Он постигает всю правду жизни, и он знает отныне, как жить, что делать. <...>

В легенде о Чистой книге вся Россия, весь русский человек со своими сильными и слабыми сторонами»⁵.

² При этом от работы в обкоме А. отказался; см.: 1951. Октябрь, 19.

³ Наст. изд. С. 630. Ошибка памяти мемуариста — такие эпизоды все же имели место.

⁴ Там же. С. 627.

⁵ 1978. Май, 29. Здесь и далее все источники, включенные в Летопись, цитируются по ее тексту с указанием года и даты.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. этот мощный замысел еще не сформировался в сознании прозаика, успешный дебют которого, роман «Братья и сестры», состоялся лишь недавно. Однако именно в этот «оттепельный» период в истории страны Федор Абрамов, несомненно подталкиваемый природным чутьем и окончательно сформировавшимся инстинктом писателя и историка, запечатлевает в записных книжках роскошные картины былой жизни на Пинеге и Северной Двине и кроваво-безжалостные — Гражданской войны на Севере. Он опрашивает последних оставшихся в живых участников и очевидцев минувших событий — и переносит в свои записи их сочный, живой язык вместе с народной правдой об уничтоженном коммунистами прошлом.

«Где истоки беззакония и кровавых злодеяний сталинского режима? — вопрошает Федор Абрамов. — Их надо искать, по-видимому, в революции. В годы Гражданской войны были посеяны страшные семена (насилие), и эти семена не могли не дать страшные всходы. Жестокости сталинского режима — это жатва того, что было посеяно в революцию»⁶.

Правда, в «оттепельный» период фундаментальное осознание порочности самих основ советской власти посещает Абрамова лишь время от времени. Если он и станет, подобно Александру Солженицыну, выразителем этого мнения в собственном художественном творчестве, то несколько позже, а в полной мере — уже посмертно, когда будут частично опубликованы его многочисленные черновые рабочие записи, дневники и записные книжки. В подтверждение же ситуации первой половины 1960-х гг. достаточно указать на его выступление на одном из открытых партийных собраний ленинградских писателей, где он по инерции озвучивает перед собравшимися тезисы-клише: «Свет Октября так или иначе озаряет все великие деяния нашего века»; «Ленин — ведь это же святое для нас»⁷, — никуда не исчезает все та же «двойственность» Федора Абрамова, когда непоследовательность в оценке личности «вождя пролетариата» (великого государственного преступника) остается нормой.

Несмотря на это, все без исключения историко-этнографические записи о былой жизни на русском Севере до прихода большевиков к власти, впервые публикуемые во второй книге Летописи, свидетельствуют о том, что Абрамов в беседах с очевидцами давних революционных событий получил возможность воочию наблюдать гибельность пути, на который обрекли Россию в 1917 г. вершители Октябрьского переворота: «Народ — крестьяне на Пинеге — богатый. Двухэтажные дома. Обозы в Питер. Архангельск за город не признавался. Солонки серебряные. В праздники — серебряные братины. „Откуда привез?“ — „Из города“ (т<о> е<сть> из Питера)»⁸; «В Пинеге в центре города <Володины> занимали квартал.

⁶ 1960. Июнь, 22.

⁷ 1964. Ноябрь, 25.

⁸ 1960. Февраль, 7.

Магазины: общий (посуда, галантерея, бакалея, хлебные склады), мануфактурный. Винный погреб. Винный завод (из белого моха). Водку тогда можно было купить только в казенке. Володины торговали *коньяками, виноградными винами*. Казенка была открыта в 1901 г. Жили в верхнем этаже, внизу — торговля (нынешний РК <КПСС>). На берегу пристани, склады. Пароходов — 26, баржей — 76»⁹; «*Иоан<н> Кронштадтский*. Ежегодно приезжал в Суру. <...> Сначала ездил на Володиных пароходах, а потом на своем — „<Святитель> Николай Чудотворец“. В Суре построил завод, который пилил бревна, муку молот и кирпич вырабатывал. В Суре баржи строил при этом заводе. <...> Скит на горе. Квадратный. Две версты во все стороны. Любил беседовать с монашенками»¹⁰. Конечно, собеседники Федора Абрамова вспоминали не только реальные события — вольно или невольно они передавали ему еще и *ощущения* собственной молодости, полной надежд и несбывшихся упований, представлявшейся им едва ли не «золотым веком» на фоне долгой, почти беспросветной и бесперспективной жизни, прожитой при советской власти с ее коллективизацией, войнами, тюрьмами и лагерями, бесконечной чередой полубезумных идеологических кампаний, работой на износ, без надлежащей оплаты изматывающего труда... Однако какое удивительное совпадение картин изобильной дореволюционной жизни в повествованиях и бывших ссыльных, и коренных северных (пинежских) жителей, безусловно веривших в чудеса св. отрока Артемия Веркольского, с описанием, сделанным одним из лучших наших поэтов первой трети XX века:

И я решил,
Мне было подсказано:
Взять старую географию России
И перечислить
(Всякий перечень гипнотизирует
И уносит воображение в необъятное)
Все губернии, города,
Села и веси,
Какими сохранила их русская память. <...>

Вторую волною
Перечислить
Хотелось мне угодников
И местные святыни,
Каких изображают
На старых образах <...>.
<...>

⁹ 1960. Март, 21.

¹⁰ Там же.

Господи, разве возможно?
Сердце, ум,
Руки, ноги,
Губы, глаза,
Все существо
Закричит:
«Аще забуду Тебя?»¹¹

Не о том же самом ли, что в последней строфе, говорится и в одной из записей Федора Абрамова — об отце Иоанне Кронштадском: «Хороший оратор. Голос средний — не сильный, но и не слабый. В Шотовой <Горе> вышел на амвон:

— Во имя Отца и Святого Духа аминь. Кто создал эти святыни?

Тишина.

— Всемогущий Бог. А есть люди, которые говорят, что нет Бога. Не верьте им. Пока у нас есть вера, до тех пор будет»¹².

И тогда
(Неожиданно и смело)
Преподнести
Страницы из «Всего Петербурга»
Хотя бы за 1913 год —
Торговые дома,
Оптовые, особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни, —
Какое-то библейское изобилие, —
Где это?
Мучная биржа,
Сало, лес, веревки, ворвань...
Еще, еще поддать...
Ярмарки...¹³

Подготовительные материалы Федора Абрамова к его будущей «Чистой книге» обильно представляют картины канувшего в небытие архангельско-пинежского уклада жизни старой России, при котором естественным образом сочетались уловки лесопромышленников, наживавших миллионные состояния, с приняты-

¹¹ Кузмин М. Параболы: стихотворения 1921–1922. Пб.; Берлин, 1923. С. 18–20. Выделено мной.

¹² 1960. Апрель.

¹³ Кузмин М. Параболы... С. 21. Выделено мной.

ми ими же на себя обязательствами доставлять на заказ в отдаленные деревни «даже пачку чая»¹⁴.

Знакомство со второй книгой Летописи ведет к обретению ее читателями полной хронологической ясности в вопросе о том, когда именно Федор Абрамов сумел приблизиться к постижению подлинного смысла революционных событий и Гражданской войны в истории России — смысла трагического и в конце 1950-х — начале 1960-х гг. густо замазанного советской пропагандой и цензурой. Смысла, до которого ему приходилось добираться чуть ли не в одиночку, без надежной поддержки спрятанного в отделы специального хранения множества газетных и книжных источников эпохи «великой смуты». Необходимые публикации писатель зачастую добывал с помощью друзей и знакомых, почитателей его таланта.

Сорокалетний житейский опыт Абрамова-человека подсказал Абрамову-писателю единственно верный путь — отправиться на поиск свидетельств людей, которые уцелели в мясорубках XX столетия. Шел 1960 год — с будущей осени подконтрольному населению Советского Союза примутся внушать, что следующее поколение советских людей станет жить при коммунизме, построенном партией и народом всего-навсего за 20 лет...

К общей оценке советской истории как сплошной череде трагедий и катастроф писатель приходил неспешно, куда менее резко, нежели Александр Солженицын. Замедляли этот процесс и сосредоточенность Абрамова на судьбе русской северной деревни в послевоенные годы, и его увлеченность реальными сельскохозяйственными проблемами в период крайне вредного партийно-чиновничьего насилия над сельским хозяйством, словно дополнявшего разрушительную коллективизацию конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Неизбыточное стремление писателя к жизнеутверждающему идеалу на фоне постепенного осознания им трагедийности и тупика *всего* советского прошлого вело к серьезному сдерживанию продуктивности его художественного творчества, но сохранило для нас многие наблюдения, суждения, заметки при чтении, так и оставшиеся вне повествовательной канвы «Чистой книги». Вот одна из таких записей: «Россия нуждается в утверждающем слове. В положительном идеале. Солженицын не дает этого. Идеалы славянофилов тоже непригодны. А официальная <советская> идеология давно уже скомпрометировала себя (к тому же вне России — так называемый интернационализм). Нужно новое знамя. Новое знамя»¹⁵.

Столь же медленно и многотрудно происходило формирование отношения Федора Абрамова к одной из центральных тем пореволюционного развития страны — чекистской основе ее бытия, функционированию повсеместно следящего за гражданами репрессивного государства в государстве. Личный опыт писателя,

¹⁴ 1960. Август, 15.

¹⁵ 1973. Октябрь, 29.